

**ОТЗЫВ официального оппонента на диссертацию
АЛЕКСАНДРА ВАЛЕРЬЕВИЧА АЛЕКСЕЕВА
на тему: «КУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СЛОВА КАК ПРЕДМЕТ
РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ»,
представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 10.02.01 – русский язык**

Диссертационное исследование Александра Валерьевича Алексеева посвящено комплексному анализу культурной значимости слова в контексте русской исторической лексикологии.

Культурная, филологическая и даже философская составляющая данной работы позволяет представить многоуровневое погружение в семасиологический дискурс, подробное изучение которого в настоящее время становится все более актуальным.

В контексте современных языковых, семантических, семиотических и семасиологических трансформаций становится ясным трансдисциплинарное расположение темы данного исследования.

Безусловно, описанная и аргументированная актуальность не вызывает вопросов. Именно в этой связи логичны слова автора, что «в настоящее время перспектива историко-лексикологических исследований определяется синтезом указанных направлений (структурного, источниковедческого и когнитивного)» (с. 12).

При этом, фиксируя нехватку подобных работ, надо с безусловностью и воодушевлением признать ее необходимость и новизну. Однако актуальность диссертации надо было бы описать более четко и емко.

Большей объемности хотелось бы и от положений, выносимых на защиту. Это связано, среди прочего, с ключевым понятием работы — культурная значимость (см. далее).

Во время глобализационных перестроек и сдвигов становится насущной проблема культурной значимости или культурных ценностей в контексте и в структуре лексического значения.

Именно поэтому логичной является цель диссертационного исследования, которая, в свою очередь, определяет и решение ряда задач. Последовательное, тщательное решение каждой из них показывает всестороннюю осведомленность автора в проблематике темы.

Но думается, что цель диссертационного исследования стоило бы сформулировать более строго, безальтернативно, перспективно, что вполне соответствует теоретической и практической значимости работы, глубине анализа материала.

Семиотический принцип, признание символической сущности вербального знака, общие положения теории коннотации, теория метафоры, теория семантического синкретизма или диффузности древнерусского слова, положенные в теоретическое основание диссертационного исследования,

оказываются исключительным при анализе культурной значимости слова в его диахронном разрезе в рамках исторической лексикографии.

Описанные автором пять критериев отбора лексических единиц — этимологический, словообразовательный, системный, культурно-ономазиологический и историко-семасиологический — позволили восстановить категориальные, семантические и семасиологические контексты избранных лексем (*брада, волк, город, град, долготерпение, меч, мечник, пастырь* и т.д.) в их диахронном развитии.

Последовательность и структура диссертационного исследования позволяет проследить за авторской мыслью и идеей, сопряженной, с одной стороны, с теоретическим обоснованием интегральных категорий языка и культуры, методов и проблемами исторической лексикологии в антропоцентрическом аспекте, а с другой, с практическим концептуальным анализом конкретных лексем или групп однокоренных лексем.

При этом понятно, что исследование культурной значимости слова невозможно без философско-филологического основания.

Именно поэтому важными категориальными понятиями становятся семиотика, культурный знак, интенция языка, культурное кредо, антропоцентрическая или антропологическая дисциплина и пр.

В этой связи определяющим достижением данного диссертационного исследования следует признать четкое разграничение понятий, в первую очередь, символа, мифа и концепта в филологии и культурологии. Это чрезвычайно неоднозначные, внутренне противоречивые понятия. Диссертанту удалось их четко разъяснить, а главное — эффективно применить.

Такая транс- или интердисциплинарность не вызывает вопросов, она, наоборот, приводит автора исследования к интегрализации того же понятия символа, который теперь рассматривается в рамках филологической культурологии (с. 55).

Вместе с тем операциональная ориентация на поле антропологической, антропоцентрической лингвистики представляется не слишком целесообразной и даже немного избыточной. Науки и технологии давно тесно связаны с человеком, пусть эта связь, особенно в последнее время, и весьма причудлива.

Глава 2 «Символический семиозис в языке» закрывает главную лакуну, имеющуюся не только в филологии, но, как настойчиво утверждает Александр Валерьевич, в философии, культурологии, семиотике. Она связана с понятием символа.

Еще во Введении описывается ряд концептуальных значений данного понятия, философского на первый взгляд (с. 9-10). К ним автор относит, например, понимание символа как мотивированного знака, результата распада метафорического образа, соединения образа и идеи, источника мифа, результата наложения понятия на образ и т.д. Там, во Введении, определяется проблема: «Не существует консенсуса о том, какое именно сущностное свойство символа обеспечивает разнообразие трактовок этого

термина и, соответственно, как такое сущностное свойство реализуется в культуре и языке» (с. 11).

Решение данного вопроса предложено в главе 2. Автор касается широкого спектра понимания символа и его философско-филолого-культурного анализа. Остановившись на филологическом аспекте понимания символа, диссертант стремится представить диахроническое развитие настоящего концепта.

Здесь ключевыми можно признать тезисы: «Символичность может проявляться на различных уровнях языка» (с. 78) и «Мотивированность слова, особенно при историческом рассмотрении, является его принципиальным свойством» (с. 79).

То же самое необходимо сказать и об анализе категории «концепт», использование которого в настоящем научном дискурсе размыто. Психологическое и логическое описание не реализуют своей задачи определения и конкретизации данной категории, а, наоборот, приводит к ее усложнению и пересечению с иными понятиями.

И, безусловно, предложение исторического решения данной проблемы может стать путем уточнения и детализации. Важность историко-лексикологической интерпретации концепта в этой связи не порождает вопросов и недоумений. А антиномии «ментальное — языковое», «логическое — образное», «уникальное — универсальное», «изменчивое — устойчивое», «сакральное — профанное» в применении к концепту позволяет снова увидеть проблематику в ее интердисциплинарности и историческом развитии.

При этом диахронический обзор в развитии понятия «концепт», в свою очередь, закладывает еще один аспект в теоретическое основание диссертационного исследования.

Введение в научный оборот ведущей для диссертации категории «культурная значимость слова» и его аргументация не вызывает вопросов. Подобное понятие помогает решить важные проблемы, которые возникают в эпоху глобализационных и ценностных парадигматических трансформаций и перемен.

Понимание культурной значимости слова как содержания национально-культурной информации, выраженной в истории, позволяет сохранить национальную идентичность на уровне языка. Здесь же стоит также согласиться с авторским тезисом: «Культурную значимость слова составляют как узуальные, так и потенциальные символические значения» (с. 169).

Связь исследования культурной значимости слова с семасиологическим подходом становится основным отличием от методологии лингвокультурологии. Так, «широкая лингвокультурология стремится максимально расширить список источников семиотического анализа, в качестве таковых привлекаются самые разные коммуникативные, ментальные и т.п. единицы» (с. 138).

Категории символа, мифа и концепта подводят к необходимости анализа исторической лексикологии. А.А. Потебня, стоявший у истоков этого научного направления, вводит разграничение «ближайшего» и «дальнейшего» значения, что «позволяет современной концептологии корректно определять границы собственного предмета» (с. 146).

Здесь возникают и иные категории — мифоцентризм и симвоцентризм. Их положительные и отрицательные аспекты лежат в поле зрения автора диссертационного исследования.

Анализ научного потенциала и влияния на дальнейшее развитие исторической лексикологии Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева, А.Н. Веселовского, М.М. Покровского, В.В. Виноградова, Ф.П. Филина, П.Я. Черных и других известнейших отечественных филологов показывает не только вехи в историческом развитии этой филологической дисциплины, но и очерчивает ряд концептуальных проблем, решение которых в полной мере еще не осуществлено.

Полисемия, разграничение символических и переносных значений — необходимые аспекты, требующие решения для дальнейшего погружения в контекст культурной значимости слова. В этой связи нельзя не согласиться с автором относительно необходимости использования при диахроническом описании понятий переносного и производного значений (с. 179). Здесь логическим является предложенный автором синтагматический анализ, который позволяет явно определить и выделить противопоставления узувального символического и потенциально символического и переносного значений (с. 187).

Логичным является и анализ метафоры и метонимии как важного диахронного явления в контексте исторической лексикологии: «Сближение, пересечение механизмов метафоры и метонимии может объясняться исторической изменчивостью понятийных категорий, в результате чего реализуется метонимия, воспринимаемая исследователем как метафора» (с. 199). При этом данный авторский тезис подтверждает наличие двух путей семантической деривации — симуляцию и импликацию (с. 199).

Здесь показательны и весомы показания выводимости импликатур из Киево-Печерского монастыря (с. 219-220). Зона переходности между образными и символическими признаками и возможное совмещение процессов расширения объема понятий и символизации, конечно, демонстрирует подвижность в истории русского языка между интенционалом и импликатурой.

Анализ словообразовательной структуры в качестве средства экспликации культурной значимости в рамках лексем *сердце*, *столица*, *народ* и пр. позволяет определить ключевые этимологические символические трансформации и переходы, которые могут присутствовать или отсутствовать в тех или иных контекстах. Тот факт, что интерес представляют слова, внутренняя форма которых отделена от прямого значения, но которая может быть восстановлена, приводит диссертанта к

анализу лексем *чудо*, *мечник*, праславянского *тесь (в связи с лексемой *мечь*), *стол*.

Авторская аргументация интересна привлечением не только славянского (праславянского, древнерусского и церковнославянского) материала, но и греческого. Но недостаточность подобного материала не позволяет, как кажется, расширить культурный контекст. При этом данный факт определенно оправдывается стремлением выяснить, определить и конкретизировать именно национальную культурную лексикологическую составляющую.

Относительно средств трансляции культурной значимости затрагивается и структура фразеологизма. Несомненно, «внутренняя форма фразеологизмов непосредственно наблюдается вследствие отдельной оформленности фразеологических единиц» (с. 266). Анализируемые фразеологизмы, библейские в первую очередь, говорят о актуализации символического признака, которая сопровождалась в историческом развитии с контаминацией культурной значимости евангельских заповедей.

Иными словами, фразеологизмы позволяют наглядно определить культурную значимость конкретной лексики в исторической перспективе с ее символической интеграцией в языковой дискурс, претерпевающим определенные перемены, в том числе и экстралингвистические.

Конечно, важным является и анализ словоупотреблений в религиозных текстах — например, в Евангелии (с. 311-312). Символические значения лексем (*пастырь* / *пастоухъ*, например) отражают их маркированность в текстах подобного рода. Здесь понятна и аргументирована двойная референция номинативных единиц, которая в других примерах, приводимых автором, может изучаться синтаксическими, лингвопоэтическими, структурно-семантическими методами.

Использование пяти критериев отбора лексических единиц и ряда методов (описания когнитивных метафор, культурной коннотации, лексико-семантического синкретизма, лексико-семантической иррадиации, внутренней формы слова, лексико-семантической филиации, фактов исторического словообразования, методы референциального анализа, стилистического описания, компонентного и когнитивного анализа лексической семантики, контекстуального описания семантических компонентов, сравнительно-исторического описания фразеологии) позволяют автору отдельно проанализировать такие концепты, как «печаль» и «труд», слова с корнем *търп-*, лексему *городъ* / *градъ*.

Основу для анализа культурной значимости данных лексических явлений определяют, в первую очередь, лексикологические материалы. Далее идут факты древнерусской письменности, христианской и светской литературы.

Конечно, в контексте анализа концепта «печаль» интересны замечания религиозно-аскетического характера, без которых подобное исследование по своей сути невозможно. Древнегреческое *λύπη* и древнерусское *печаль* находятся в определенной семантической и семиотической корреляции.

Но автор, к сожалению, не приводит анализ новозаветных текстов (греческих и старо-, церковнославянских), которые отражают, с одной стороны, христианское понимание λύπη / печали, а, с другой, позволяют определить семантические, семасиологические и прочие сдвиги на славянской языковой почве.

Подобное можно сказать и о необходимости какого-либо анализа гимнографии, являющейся транслятором христианского аскетического мировоззрения. Данный анализ возможно было провести в контексте всех концептов, которые затрагивает автор в своем диссертационном исследовании.

Рассмотрение связи древнегреческих лексем с их старославянскими либо древнерусскими коррелятами выглядит ограниченным. Автору стоило бы определить степень использования данного материала. Преимуществом подобного анализа могло бы стать корпусное сравнение словоупотреблений в древнегреческом, старославянском и древнерусском языках. Это могло бы стать наглядной иллюстрацией особенностей славянской в целом и русской в частности языковой картины мира, особенно когда речь идет о культурной значимости.

Помимо этого, аскетика, конечно, является частью православного богословия, понимаемого в данном случае расширительно. Однако полностью отождествлять их не стоит.

Вызывает вопросы обращение диссертанта к такому неоднозначному (в разных аспектах) тексту, как «Слово о полку Игореве».

В целом диссертационное исследование Александра Валерьевича Алексеева позволяет определить культурную значимость слова как «особый предмет историко-лексикологического исследования» (т. 2, с. 199). Многоаспектная теоретическая база, имеющая практикоориентированный потенциал, позволяет увидеть диахронную динамику развития конкретных концептов и лексических явлений.

Особого внимания заслуживают иерархические выводы (они восьмиуровневые), приведенные в Заключение и соотнесенные с разными областями гуманитарного знания и практики.

Принципиально важен и для Заключения, и для работы в целом тезис о том, что на диахронической языковой оси, в том числе на уровне лексики, есть системность. И хотя проявляет она себя в разной степени, не всегда наглядно, ее надо изучать, а настоящее время даже пропагандировать.

Так, диссертант подчеркивает: «Диахронический характер слова обуславливает противоречие между обыденным и научным пониманием лексических значений. В результате исходный признак культурной значимости воспринимается современным говорящим как номинативный в составе производного значения. Снятие такого противоречия возможно при введении диахронической классификации, в которой символическое, переносное и производное значения рассматриваются как последовательные стадии развития одной вторичной семемы».

